

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank

CLASSICAL AND CONTEMPORARY LITERATURE: CONTINUITY AND PROSPECTS OF UPDATING

Materials of the II international scientific conference
on November 7–8, 2017

Prague
2017

Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: materials of the II international scientific conference on November 7–8, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 86 p. – ISBN 978-80-7526-246-2

ORGANISING COMMITTEE:

Vasily V. Lipich, doctor of philological sciences, professor of Belgorod State University.

Nataliya V. Zayats, candidate of philological sciences, assistant professor of Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank.

Iona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines classical and contemporary literature. Some articles deal with perception, analysis and interpretation of the artistic text. A number of articles are covered the search for new forms in contemporary literature. Some articles are devoted to eternal values in art and literature. Authors are also interested in language and style of modern Russian literature.

UDC 82

ISBN 978-80-7526-246-2

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2017.
© Group of authors, 2017.

CONTENTS

I. REFLECTION OF THE PAST IN THE LITERATURE THROUGH THE PRISM OF MODERNITY

Хоміч Т. П.

Асаблівасці творчага самавыяўлення ў паэзіі
Людмілы Рублеўскай.....6

II. ARTISTIC TEXT: PERCEPTION, ANALYSIS AND INTERPRETATION

Алекумова Е. И.

Единение народа как основной мотив романа Ф. А. Абрамова
«Братья и сестры» 14

Волк Е. А.

Эсхатологические мотивы в рассказах Л. Петрушевской «Гигиена»
и «Новые Робинзоны» 17

Жукова М. Н.

«Наивная, очаровательная сказка о любви» (А. И. Куприн «Олеся») 21

Зяц Н. В.

Русскоязычные триолеты Максима Богдановича: новое содержание
традиционной формы 25

Машукова Д. А.

Феномен «прзы поэта» в мемуаристике М. Цветаевой 28

Петрин И. С.

Рассказы М. Бланшо: слово, образ, тело 32

Чевтаев А. А.

Всадник в сказочном лесу (о поэтике стихотворения К. Бальмонта
«Страна Неволы») 36

Любчанка А. А.

“Дзённік” Вітольда Гамбровіча як сістэма эстэтычных
і філасофскіх поглядаў 44

Мойскі А. Ч.

Інтэрпрэтацыя твораў іншых відаў мастацтва ў паэзіі
Максіма Танка 47

а люди «внизу живут, под самой землей, в сырости и холоде» и «солнца у себя в комнате круглый год не видят» [1, с. 40]. Это напоминает описание «чужого» мира волшебной сказки.

Если в сказке мотив бесовства связывают с миром леса, то в повести Куприна жесток и страшен мир людей: «кипящий вихрь человеческих физиономий», «озверевшая толпа беснующихся баб», а «площадь кишмя» кишит «пьяным, галдящим народом» [2, с. 40].

Любовь лесной красавицы останется для Ивана Тимофеевича лишь чудесной сказкой («Почти целый месяц продолжалась наивная, очаровательная сказка нашей любви»): он не выдержит испытания.

«Лесная сказка» завершается трагически. И не только потому, что в светлый мир Олеси врывается жестокость и подлость окружающего мира. Писатель ставит вопросы более масштабно: смогла бы эта девушка, дитя природы, свободная от всех условностей, жить в иной среде? Тема разделенной любви сменяется в повести другой, постоянно звучащей в творчестве А. И. Куприна – темой недостижимого счастья [3, с. 25].

Библиографический список

1. Куприн А. И. Сочинения в двух томах. Том 1. Повести и рассказы – М., «Художественная литература», 1980.
2. Роговер Е. С. Русская литература XX века. Александр Иванович Куприн. – С.-П., «Паритет», 1999.
3. Смирнова Л.А. и др. Русская литература: XX век. Книга для учащихся старших классов. Статья: Тема любви в творчестве А.И. Куприна – М., «Просвещение», 1995 г. – 464 с.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ТРИОЛЕТЫ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА: НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМЫ

Н. В. Саяц

*Кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный
педагогический университет
им. Максима Танка,
г. Минск, Беларусь*

Summary. The article analyses the Russian triolets of the Belarusian poet Maxim Bogdanovich. It shows the distinguishes between the so-called “authorial triolet” and the classical canon. It also determines the idea-semantic content of the poems.

Keywords: triolet; solid verse form; poetry; lyrics; M. Bogdanovich.

В художественном наследии классика белорусской литературы Максима Богдановича (1891–1917) представлен корпус художественных текстов, по формальным параметрам соответствующих твердым строфиче-

ским формам: сонетам, терцинам, октавам, рондо, пентаметрам, триолетам и др. Среди них особое место занимают триолеты, которые сохраняют классическую форму: написаны обычным для этого вида стихотворения четырехстопным ямбом по традиционным схемам ABaA abAB, ABbA baAB или ABbA abAB. Однако своим содержанием они разрушают долгое время актуальное для всей европейской литературы стереотипное представление о жанре, метко сформулированное современником Богдановича – русским поэтом И. Рукавишниковым: «За несколько сот лет существования из тысяч триолетов не найти и десятка, о содержании которых стоило бы написать хотя страницу критико-философского разбора» [2].

Как известно, во Франции, а затем и России в разные периоды жанр использовался преимущественно для передачи игривого и увеселительного содержания, принадлежал к «салонным», развлекательным и находился за пределами «качественной» поэзии. Обратившись к триолетам, белорусский поэт не только реализовал просветительское желание расширить идейно-содержательные пределы преимущественно «крестьянской» национальной поэзии, показать ее богатые формально-изобразительные возможности, но и раскрепостил жанровые каноны старой стихотворной формы, дал ей новую жизнь, наполнил совершенно иными смыслами.

На примере трех русскоязычных триолетов М. Богдановича (два из них – авторские переводы с белорусского), рассмотрим содержательную специфику произведений этого жанра.

Наиболее традиционным по тематическому наполнению является «Триолет XVIII века» (авторский перевод белорусскоязычного текста «Мне доўгае расстане з Вамі...», 1913). О следовании канону свидетельствует уже название стихотворения, близость с классическим триолетом проявляется и в его принадлежности к интимной лирике. Существенное отличие заключается в тональности: вместо игривости и шутливости – одиночество и тоска. Лирический герой скорбит по поводу разлуки с любимой, откровенно выражает интимно-личные переживания: «Мне долгое забвеньё Вами / Чернее Ваших черных кос. / Пронзает душу остриями / Мне долгое забвеньё Вами. / Я побледнел от томных слез / И начал триолет словами: / “Мне долгое забвеньё Вами / Чернее Ваших черных кос”» [1, с. 257]. Тавтология во второй и последней строках, усиленная их повторением, подчеркивает душевное возбуждение, эмоциональность лирического героя. Подобные сосредоточенность на любовных чувствах, экспрессивность, своеобразные «салонность» и «манерность» автора – традиционные для французской и русской литератур, однако совершенно новые и необычные явления для белорусской поэзии начала XX в.

В триолете «На солнце загляделся я...» (в оригинале «Калісь глядзеў на сонца я...», 1912) «игровая» форма послужила для передачи философского содержания, обозначения экзистенциального вопроса. (Эпиграфом к стихотворению стали слова «Красавец юный, Триолет» из произведения

русского поэта К. Фофанова. Именно он вместе с символистами Ф. Сологубом, К. Бальмонтом, В. Брюсовым после долгого забвения вернул этот вид стиха в русскую поэзию.)

Чтобы наиболее точно сформулировать идейную интенцию, необходимо сопоставить два варианта стихотворения – оригинальный белорусский текст и авторский перевод: «Калісь глядзеў на сонца я, / Мне сонца асляпіла вочы. / Ды што мне цемень вечнай ночы, / Калісь глядзеў на сонца я. / Няхай усе з мяне рагочуць. / Адповедзь вась для іх мая: / Калісь глядзеў на сонца я, / Мне сонца асляпіла вочы» [1, с. 92] // «На солнце загляделся я, / И солнце очи ослепило. / Затем, что сердце свет любило, / На солнце загляделся я. / Наощупь я пошел, но была / Не в стыд мне слепота моя: / На солнце загляделся я, / И солнце очи ослепило» [1, с. 256]. Как видно, в белорусском варианте актуализируется традиционная для творчества поэта дихотомия «солнце – тьма» («сонца» – «цемень вечнай ночы»), не нашедшая дословного вербального воплощения в переводе. Солнечному «откровению» в русскоязычном тексте противопоставляется движение на ощупь, минутному прозрению – перманентная слепота. Полярные образы призваны показать пограничное, раздвоенное состояние лирического героя, сумевшего подняться над повседневностью и обывательством, жизненной рутинной, однако не понятого и не принятого, осмеянного (в оригинальном тексте) – в стихотворении довольно ощутим декадентский мотив одиночества. Тем не менее герой не отказывается от своего знания о существовании другого, более совершенного мира, не стыдится своей непохожести на других.

Триолет по содержанию созвучен произведениям М. Богдановича, созданным в русле эстетики «чистой красоты» с ее идеями возвышения повседневного, поэтизации обыденного (рондо «Узор прыгожы пекных зор», сонет «На цёмнай гладзі сонных луж балота...»). Несмотря на это исследователи нередко отмечали гражданское звучание стихотворения, игнорируя подлинное содержательное наполнение и его, и всего цикла «Старое наследие» («Старая спадчына»), куда вместе с рассмотренными триолетами вошли другие образцы классических форм стиха. Подобное прочтение, видимо, было обусловлено господством метода соцреализма, когда произведения интерпретировались в соответствии с его (соцреализма) канонами, а не с объективной идеей.

Третий русскоязычный триолет М. Богдановича «Николай Иваныч! Вы ли?..» (1916) появился как ответ-экспромт на просьбу пояснить суть жанра. Мгновенная реакция поэта свидетельствует о мастерском освоении им филигранной строфической формы. Адресованное торговцу Николаю Масленникову, произведение обычно, но не вполне правомерно относят к сатирической поэзии: доброжелательная, шуточная тональность свидетельствует о принадлежности стихотворения скорее к области юмора, чем сатиры.

Даже эти три стихотворения дают представление о стремлении поэта расширить жанровые каноны триолета, дать традиционной форме новые содержательные возможности. М. Богданович оживил твёрдую стихотворную форму, адаптировал ее для современности, сделал пригодной для передачи универсального содержания.

Библиографический список

1. Багдановіч М. Маладыя гады : выбранае. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 335 с.
2. Рукавишников И. Триолет // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов : в 2 т. – М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Т. 2. П–Я. – Стб. 979–984. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-9791.htm>. (дата обращения: 15.10.2017).

ФЕНОМЕН «ПРОЗЫ ПОЭТА» В МЕМУАРИСТИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Д. А. Машукова

*Кандидат филологических наук,
Старооскольский филиал,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет,
Старый Оскол, Россия*

Summary. The article discusses the autobiographical prose of M. Tsvetaeva through the prism of prose poet. Described the phenomenon of "prose of the poet" in the context of the Silver age. Characteristic features of the autobiographical prose of M. Tsvetaeva as a "prose poet": a special rhythmic structure of works on the compositional, keynote, syntactic and metric levels.

Keywords: the prose of a poet, the memoirs of Marina Tsvetaeva, genre, fragmentariness.

В статье рассматривается мемуарная проза М. Цветаевой сквозь призму прозы поэта. Охарактеризовано явление «прозы поэта» в контексте Серебряного века. Определены характерные особенности мемуарной прозы М. Цветаевой как «прозы поэта»: особая ритмическая структура произведений, проявляющаяся на композиционном, лейтмотивном, синтаксическом и метрическом уровнях.

Открытая лирическая интонация позволяет определить мемуарную прозу Цветаевой как «прозу поэта».

Расцвет такого явления как «проза поэта» приходится на период Серебряного века; наиболее яркие и своеобразные виды «прозы поэта» создали А. Ахматова, А. Блок, А. Белый, З. Гиппиус, Е. Гуро, С. Есенин и др.

Один из исследователей дает такое определение «прозы поэта»: «своеобразная форма художественной речи, совмещающая в себе характерные черты, традиционные для прозы и поэзии» [5, с. 260]. И действи-